

Шарапенкова Наталья Геннадьевна

**ПРИЗНАКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНОВ "МОСКВА" И "ПЕТЕРБУРГ"
АНДРЕЯ БЕЛОГО**

В статье анализируется художественное пространство романов "Петербург" и "Москва" Андрея Белого. Созданные в разные исторические и литературные эпохи, оба романа составляют единую урбанистическую концепцию писателя. Основное внимание уделено нахождению дифференцирующих признаков пространства Первопрестольного града и города на Неве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/5/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 201-204. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

На протяжении всего повествования постоянно повторяется мотив обманутых ожиданий как нарратора, так и всего русского народа. С каждым поступком Петра III их недовольство и разочарование нарастают, достигая кульминации в эпизоде заключения мира с Пруссией.

Структура повествования логически последовательна. В каждом эпизоде отражается какой-либо аспект жизни Петра III. Большинство эпизодов соединяются друг с другом посредством причинно-следственной связи. Из одного явления вытекает другое: плохое воспитание → дурной нрав → отношение к Петру народа; масонство → приверженность к прусскому королю → опасения министров → заключение мира с Пруссией.

В этих фрагментах, изображающих поступки, качества характера или деятельность Петра III, мы видим оценку нарратора, а также точку зрения министров, всех россиян в целом и даже союзников (в эпизоде заключения мира с Пруссией). На протяжении всего повествования нарратор представляет Петра III слабым, легко поддающимся чужому влиянию. Эта черта характера, в представлении нарратора, сыграла решающую роль в судьбе монарха.

Список литературы

1. **Жизнь и приключения Андрея Тимофеевича Болотова, описанные самим им для своих потомков.** СПб.: Печатня В. Головина, 1871. Т. II. 1120 с.
2. **Шмид В.** Нарратология. М., 2003. 312 с.
3. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/66511
4. <http://enc-dic.com/ushakov/Podobostrastie-50972.html>

IMAGE OF PETER III AS NARRATION OBJECT IN A. T. BOLOTOV'S MEMOIRS

Ekaterina Anatol'evna Chiteishvili
Department of Russian Classical Literature
Magnitogorsk State University
classicit@masu.ru

The author presents the attempt of the narrative analysis of the chapter from famous A. T. Bolotov's memoirs, which is devoted to the image of Peter III, and meanwhile considers the authorial estimation of the emperor's activity and his perception by the contemporaries, as well as the analysis of the text narrative structure, especially A. T. Bolotov's narration.

Key words and phrases: narrator; memoirist's point of view; A. T. Bolotov; personality and activity of Peter III; doings; vices.

УДК 821.161.1(092)

Филологические науки

В статье анализируется художественное пространство романов «Петербург» и «Москва» Андрея Белого. Созданные в разные исторические и литературные эпохи, оба романа составляют единую урбанистическую концепцию писателя. Основное внимание уделено нахождению дифференцирующих признаков пространства Первопрестольного града и города на Неве.

Ключевые слова и фразы: художественное пространство; сакральное пространство; пространственные символы; топонимы-маркеры; урбанистический текст.

Наталья Геннадьевна Шарапенкова, к. филол. н.
Кафедра скандинавских языков
Петрозаводский государственный университет
natshar@mail.ru

ПРИЗНАКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНОВ «МОСКВА» И «ПЕТЕРБУРГ» АНДРЕЯ БЕЛОГО©

Город в творчестве русских литераторов начала XX века воплотился как мифопоэтическое пространство, отражающее тысячелетнюю историю, культуру и мифологию цивилизации.

В литературоведении в последние десятилетия качественно возрос исследовательский интерес к т.н. городам-концептам. Интерес к городскому пространству связан в первую очередь с формированием национальной картины мира, обретением этнической идентичности русского народа. Современные исследования урбанистического пространства выявили существенную связь города с мифологическим способом постижения бытия (полис как место преображения хаоса в космос).

Большим продвижением вперед для литературоведческой мысли стало понимание в рамках семиотической школы *города как текста*, как пространства бытования смыслов, декодировка которых и позволяет

«прочитать» урбанистическое пространство как послание последующим поколениям [10]. Разработанная Ю. М. Лотманом теория о «концентрических» и «эксцентрических» городах наметила основные признаки дифференциации двух русских столиц (географически-ландшафтные, природные, историко-национальные, конфессиональные, мифологические) [6, с. 321, 322].

Собранные воедино городские тексты позволили выдвинуть гипотезу о существовании сверхтекстов. Первоначально в гуманитарных науках сформировалась концепция о существовании «петербургского текста русской литературы», а затем стали возникать другие сверхтексты, среди которых важное место принадлежит исследуемому в данной статье «московскому» тексту.

Глобальной мифологемой в романах Андрея Белого является городское пространство Петербурга и Москвы, которое в мифопоэтической традиции предстает как сакральное и профанное, реальное и мифическое. Автор прибегает как к сложившимся в концептосфере городов мифологемам, так и создает новую образную пространственную символику древней и новой столиц.

Петербург в «Петербурге» (1913 г.) и Москва в «Москве» (1926–1930 гг.) выполняют различные функции: и фона происходящего, и средоточия глобальных исторических перемен и потрясений, и места преобразования героев, являясь при этом главными образами-символами. Сближение поэтики «Петербурга» и «Москвы» Андрея Белого обусловлено существенными предпосылками, имплицитно присутствующими в самих текстах. Связь романа «Москва» с символистским «Петербургом» прослеживается через концептосферу двух городов-столиц России, время действия (исторические потрясения начала XX в.), урбанистическую образную систему, мотивную структуру, оккультные мотивы и образы.

Художественное пространство романа «Петербург» определяет ось синтагматики (горизонталь), чему соответствуют линии Васильевского острова, проспектов (и главная из них – Невская горизонталь). Внутреннее пространство города Петра четко разделено в романе на центр (Невский проспект, Английская и Гагаринская набережные Невы, Сенатская и Дворцовая площади) и периферию (Васильевский остров) с разделением и самих героев по их месту жительства (Аблеухов-сенатор – центр; разночинец-террорист Дудкин – острова). Конфликт в романе во многом построен на противостоянии данных пространственных локусов: «Он думал... оттуда с моста, вонзается сюда Петербург своими проспектными стрелами с ватагою каменных великанов» [3, с. 24].

Писатель в романе «Петербург» с опорой на устоявшиеся городские концепты создает и новые мифологемы о пространстве. Город Петра отличает стройность и правильность линий, холодные, безлюдные ледяные пространства, главной приметой которых является «поднятый на дыбы» Медный всадник, готовый к прыжку над историей.

Петербург Андрея Белого предстает окруженный безлюдными ледяными холодными пространствами России. В «Петербурге» главный сюжетобразующий топоним – Невский проспект, прямые линии проспектов и улиц, четкие контуры площадей этого самого «идеального по замыслу» имперского города России. Пространство города становится «бесконечностью в бесконечности», сотканное из перспектив и теней: «Есть бесконечность в бесконечности бегущих перспектив с бесконечностью в бесконечность бегущих пересекающихся теней» [Там же, с. 22].

Автор воссоздает мифологемы города на Неве, шифруя их в пространственных символах: это фантазматический город, обреченный на небытие: «Весь Петербург – бесконечность проспекта, возведенного в энную степень. За Петербургом же – ничего нет» [Там же].

Автор в романе «Петербург» акцентирует «субпространства»: квадраты сознания, карета, стороны света в комнате, параллелепипед, черепная коробка.

«После линии всех симметричностей успокаивала его фигура – квадрат» [Там же, с. 21].

В романе Андрея Белого возникает образ геометрического («кубического» [4, с. 414]), прямолинейного города. Впервые о «кубическом» Петербурге заговорил Н. А. Бердяев: «Андрея Белого можно назвать кубистом в литературе. Формально его можно сопоставить с Пикассо в живописи» [Там же]. Петербург в романе главным образом предстает как город, обреченный погибнуть в водной бездне, сопричастный астральному миру.

Художественно-претворенный в романе Петербург лишь отчасти совпадает с материальной и овеществленной реальностью, а если быть точным, то вообще не совпадает. Автор дает топонимы-маркеры («Английская набережная», «Гагаринская набережная», «Исаакиевский собор», «Невский проспект», «Медный всадник»), при этом сдвигает, «распыляет» их реальное пространственное расположение. Как отмечали исследователи, передвижения героев «совершенно фантастичны» [8, с. 65], «условно-символичны» (Л. К. Долгополов). «Петербург Белого – *третий*, после реального города и его отражения в литературе XIX века» [Там же].

Писатель при воссоздании топонимики московского городского пространства лишь отчасти опирался на опыт «Петербурга». Первопрестольная столица предстает в романе «Москва» с первых страниц. Автор воссоздает целый район с вымышленными названиями, при этом район центральный в пространстве романа. Наряду с вымышленными названиями улиц и переулков автор дает и точные топонимы (Моховая, Кузнецкий Мост, Петровка, Сретенский бульвар, Остоженка, Пречистенка, Кремль).

В архитектонике последнего урбанистического романа за историческими реалиями встает мистическая Москва. Город словно отягощен «бременем времени»: «Свисает фасад за фасадом под бременем времени: время, удав, – душит; бремя – обрушится: рушатся старым составом и он, и Москва, повисая над Тартаром» [2, с. 191]. Пространство Москвы, воссозданное в романе, многослойное и сквозное. В реальной топонимике проступают образы иных цивилизаций (египетской, ацтекской, атлантической).

Москва, близкая и родная сердцу автора, – «гибнущий город» [Там же, с. 334]. Городское пространство древней столицы становится сквозным. За реальной топонимикой (Арбат, Пречистенка, Остоженка, Петровка, Кузнецкий мост, Варварка) возникает демоническое пространство, угрожающее взорвать привычный мир старой гармонии и порядка, обретая образное решение в высоко-эстетической формуле «пространство – разбито» [Там же, с. 86].

В противовес пустынности городского пространства, парящему в тумане, летящему Петербургу, Москва в романе Андрея Белого представлена плотно и вкривь стоящими строениями: «Дома, дома, домики, просто домчёлки и даже домчечочки» [Там же, с. 23], «целые тюки домов». Урбанистический пейзаж Первопрестольной, в отличие от безлюдных холодных просторов имперской столицы, перенасыщен квадратами зданий, улицами и переулками, машинами, трамваями. Дома «сталкиваются» в пространстве романа друг с другом, заполняя собой весь горизонт: «Улица складывалась столкновением домов, флигелей, мезонинов, заборов» [Там же, с. 25].

Если художественное пространство северной столицы в романе Андрея Белого дано как «геометрическое» («кубическое»), пересеченное прямыми линиями, то пространство романа «Москва» отличает изогнутость планировки, воплощенный лабиринт улиц и переулков, запутанность топографии и хаотичность. В отличие от прямолинейного Петербурга с его четко выстроенными перспективами, Первопрестольная, воплощенная в романе, город переулков, «кривуль», тупичков, как бы образует контуры гигантского паука: «Вот “М о с к в а” переулков! Она же — Москва; точно сеть паучинная» [Там же, с. 166].

В отличие от холодного ледяного Петербурга, Москва в изображении Андрея Белого – аляповатая, цветущая, пряничная, словно лепная, напоминающая кремовый торт. Взамен зелено-болотному Петербургу автор любовно рисует живописно-пеструю Москву. Пряничная, золотоглавая столица – это город, уносимый в безвозвратное прошлое, в Тартар истории.

Москва в романе, предстающая в красках и переливах, оказывается таким же inferнальным и грозным быть взорванным урбанистическим пространством, как и Петербург. Городу Петра начала XX века – столице Российской империи – автор выносит холодный, бесповоротный приговор. Само рождение города как генерального проекта Петра на «краю» государства постулировало его уход под воду, последующее небытие.

Как и Петербург, древняя столица – сердце России и русского народа – также не избежит своей гибели, но автора пронзает боль при виде предреволюционной Москвы, уносимой потоком в бездну. При чем гибель Первопрестольной грозит как изнутри (замшелость, гнилостные запахи, разложение), так и из глубин мифологии и истории (атланты, спруты, Великий потоп).

Важнейшим свойством художественного пространства романов является его двойственность, осцилляция, переход от одной реальности к другой (от исторической к оккультной, от материальной к сновидческой, от внутренней к внешней). Автор создает новые «мифологемы о пространстве»: холодные и безлюдные пространства Петербурга, «второе пространство», «мозговые пространства»; «хаотичность», «перегруженность», «зависание над Тартаром» Москвы.

В последнее время появился ряд работ, рассматривающий романы Андрея Белого как мифологическое поле противостояния и борьбы между Хаосом и Космосом. Одна из устойчивых тенденций в восприятии текстов русского писателя была обозначена еще в ранних статьях Вяч. Иванова и Н. Бердяева как «вдохновение от ужаса» и «распыление мира» (т.е. романы, реализующие хаологическую картину мира). Для устойчивого взгляда на роман как на «роман-апокалипсис», «вдохновение ужаса» [5, с. 410], бесспорно, есть свои очень веские основания. Но вместе с тем тексты, восходящие к мифологическим архетипам, мотивам, сюжетам апеллируют не только к демоническому и хтоническому, но и гармонизирующему и космическому [9]. Космическим началом, преобладающим хаос, является в романе «Петербург» образ «белого домино» – Христа. Город, зависший над водной бездной и на грани загробного мира ожидает «второе пришествие» Христа, новая Калка – преображение России и человека.

Андрей Белый воссоздает в романе «Москва» апокалипсическую, хтоническую стихию, в которой сквозь метаморфозы хаоса «просвечивает» *идея космизации бытия*. Эта установка писателя обнаруживает себя в особенностях мировоззрения, которую можно обозначить как «жажду гармонии» среди хаоса. Архетип Солнца становится и грандиозной утопией-спасением Первопрестольной, и воплощением идеи спасения и героев. В параллель пережитому герою появляется и образ восходящего над Москвой солнца как *символа преображения*: «Солнце – взойдет!» [2, с. 119]. Роман «Москва», по справедливому замечанию В. М. Пискунова, «был задуман как поэма о “гибнущем и готовящемся к возрождению мире”» [7, с. 185]. Действительно, мир рушится, катится в Тартар, в финале романа раздается страшный взрыв, но герой открывает для себя пространство любви, веры, его озаряют идеи всепрощения и милосердия.

Ключевым видится завершающий образ Москвы, радужный и многоцветный: «Солнечнописные стены! Лимонно-вспоенная стая домов бледным гелио-городом нежилась — персиковым, ананасным, перловым, изливчатым; синей стены эта белая лепень. И светописи из зеленого и золотого стекла!» [2, с. 722]. Москва в этом описании предстает как ожидаемый автором-«аргонавтом» утопический «Город Солнца», «Невидимый град», «град Китеж».

Художественный мир романа амбивалентно воплощает и торжествующий хаос, и прорыв к новой динамической гармонии, изживающей хаос изнутри. Город в мифологической поэтике Андрея Белого пребывает на грани сакрального и профанного, исторического и оккультного, материального и фантастического миров. Именно в пределах городского пространства (улиц, переулков, домов, церквей, ландшафтов) в урбанистическом романе русского писателя через инициацию героя (временную смерть и преображение) реализуется «трансперсональный опыт личности» [1, с. 18], обретается связь человека с космосом, постигаются духовные законы бытия.

Список литературы

1. **Акопова Ю. А.** «Энергичная» концепция личности и её художественное воплощение в симфонии Андрея Белого «Возврат» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 17–19.
2. **Белый А.** Москва / сост. и прим. С. И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1989. 768 с.
3. **Белый А.** Петербург. СПб.: Наука, 2004. 699 с.
4. **Бердяев Н. А.** Астральный роман. Размышления по поводу романа Андрея Белого «Петербург» // Андрей Белый: *pro et contra*. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 411–418.
5. **Иванов Вяч.** Вдохновение от ужаса (о романе Андрея Белого «Петербург») // Андрей Белый: *pro et contra*. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 401–410.
6. **Лотман Ю. М.** Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 320–333.
7. **Пискунов В. М.** Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа М, 2005. 607 с.
8. **Сухих И. И.** Прыжок над историей (роман А. Белого «Петербург») // Серебряный век русской литературы: сб. статей. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 51–75.
9. **Топоров В. Н.** Опыт «гармонизации» России («Петербург» Андрея Белого) // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство, 2003. С. 150–155.
10. **Топоров В. Н.** Пространство и текст // Текст: семантика и структура: сб. статей / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

**ARTISTIC SPACE FEATURES OF NOVELS “MOSCOW”
AND “PETERSBURG” BY ANDREI BELYI**

Natal'ya Gennad'evna Sharapenkova, Ph. D. in Philology
Department of Scandinavian Languages
Petrozavodsk State University
natshar@mail.ru

The author analyzes the artistic space of the novels “Petersburg” and “Moscow” by Andrei Belyi, tells that both novels, created in different historical and literary eras, form a single urban conception of the writer, and pays special attention to finding the differentiating features of the space of the first capital city and the city on the Neva.

Key words and phrases: artistic space; sacred space; space symbols; toponyms-markers; urban text.

УДК 811.161.1'373.4

Филологические науки

Статья посвящена проблеме словотворчества в повседневной разговорной речи. Объектом исследования служат субстантивные новообразования, зафиксированные автором в живой речи. Автор выделяет наиболее продуктивные способы деривации субстантивов в разговорной речи, анализирует их структурно-семантические особенности.

Ключевые слова и фразы: разговорная речь; словотворчество; лексическое новообразование; имя существительное; способы словообразования.

Юлия Николаевна Шаталова

Кафедра русского языка и методики преподавания
Белгородский государственный университет
yuliashatalova@rambler.ru

**НОВООБРАЗОВАНИЯ-СУБСТАНТИВЫ В ЖИВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ:
УЗУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ДЕРИВАЦИИ©**

Имя существительное в словообразовательном отношении является самой богатой, самой неогенной частью речи. В исследованиях последних десятилетий в области лексических новообразований традиционно отмечается значительное превосходство количественного состава новых субстантивов по сравнению с новообразованиями других частей речи. Подобные результаты представлены, например, в диссертационных работах Г. В. Клименко [2, с. 5], П. Н. Магомедгаджиевой [5, с. 10], И. А. Нефляшевой [6, с. 17].

Структурно-семантические характеристики новых существительных постоянно находятся в зоне устойчивого интереса лингвистов, при этом материалом для исследования, как правило, служат лексические единицы, зафиксированные в языке СМИ. Малоизученными остаются процессы деривации в живой разговорной речи (РР). Вместе с тем, анализ лексического наполнения повседневного общения позволяет говорить о высокой степени неогенности имени существительного в живой речи. Регулярное образование новых